

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В.А. Аватков, А.И. Павлова

Кафедра восточных языков Дипломатической академии МИД РФ, 119992, г. Москва, Остоженка, 53/2 строение 1.

Журнал «Военный», 101000, Москва, Мосфильмовская ул., 1.

В статье рассматривается межкультурная политика Турции и её особенности на современном этапе. Пройдя несколько ступеней становления, современная кросс-культурная политика Турции реализуется по схеме, введённой Мустафой Кемалем Ататюрком: «один язык – одна страна – одна культура», что ставит национальные и религиозные меньшинства в уязвимое положение. Помимо этого, существует проблема признания культурных меньшинств турецким правительством, которое в качестве таковых выделяет только евреев, греков и армян. В статье также рассматривается правовое обеспечение проблемы кросс-культурной коммуникации. Характерным для Турции является отсутствие законов, напрямую регулирующих государством реализацию межкультурной политики, данный вопрос не затронут даже в Конституции Республики. В результате, кросс-культурная политика с правовой точки зрения реализуется на основе отдельных статей различных законов, которые зачастую имеют весьма расплывчатые формулировки и могут быть истолкованы, исходя из потребностей государства.

Курдская проблема является ключевым вопросом межкультурной политики Турецкой Республики. Борьба курдов за национальные права и автономию приняла вооружённую форму в конце прошлого столетия, в результате чего Анкара была вынуждена пойти на некоторые уступки. Однако на сегодняшний день нерешёнными остаются вопросы признания курдов в качестве этнического меньшинства, введения курманджи/заза в курдских школах и использования национального языка в курдской прессе. Ведение диалога между властями и представителями курдов осложняется стремлением последних к автономии и намерением первых сохранить территориальную целостность государства.

В общем, можно говорить о том, что Турецкая Республика очень трепетно относится к вопросу целостности страны как в территориальном, так и в культурном плане, результатом чего и является реализация политики «одного языка – одной страны – одной культуры» в вопросе кросс-культурной коммуникации.

Ключевые слова: Турция, межкультурная политика, курдский вопрос, меньшинства Турции, межкультурная коммуникация, Османская Империя, Партия Справедливости и Развития, миллет, курды, турецкий язык.

В современном мире сложно найти хоть одну культуру, которая бы находилась в полной изоляции. Рост числа общечеловеческих проблем, таких как глобальное потепление, угроза терроризма, распространение ядерного оружия, пандемий, придаёт особую важность сотрудничеству между народами и нациями. В связи с этим возрастает и роль межкультурной коммуникации, и каждое государство стремится выработать отвечающую его потребностям кросс-культурную политику.

Стоит отметить, что для государства как основного актора международных отношений, существует два направления реализации кросс-культурной коммуникации: внутреннее и внешнее. В первом случае объектом межкультурной политики государства являются отношения между различными народами, национальностями и культурами, организациями и институтами, отдельными личностями в пределах одного государства. Во втором случае объектами могут стать как целые иностранные государства, так и отдельно взятые их народы, культуры, группы верующих [1].

В данной статье речь пойдёт о кросс-культурной коммуникации в пределах одного государства, в частности, Турецкой Республики.

Историческая преемственность межкультурной политики Османской империи и Турецкой Республики. Турция, будучи наследницей Османской империи, имеет огромный опыт в сфере межкультурной политики и за свою историю прибегала к разным моделям её реализации. Поэтому следует разобраться, в какой степени построенная на осколках Османской империи Турецкая Республика опирается на собственный исторический опыт.

Османская империя включала в себя обширные территории, на которых проживали десятки национальностей. В качестве межкультурной политики ею была выработана система миллетов. Данная система основывалась, в первую очередь, на религиозной, а во вторую – на этнической принадлежности. Каждая ре-

лигиозная община получала статус миллета, её представителем являлся глава, утверждённый центральным правительством, чаще всего – священник или раввин. Миллеты имели право использовать национальный язык, строить учебные заведения, собирать налоги, вершить правосудие. Подданные миллетов являлись гражданами Османской Империи, однако более половины из них составляли «низы» империи, им был ограничен доступ к административным и военным должностям, а налог, собираемый с немусульманских подданных, был выше, чем для мусульман.

В целом, можно говорить о том, что турки установили своё этнорелигиозное превосходство, хотя и не проводили политику обязательной исламизации завоёванных территорий. Межкультурная коммуникация осуществлялась по вертикальной линии – от господствующего народа (турок) к завоёванным. Притеснения немусульманских народов зачастую выливались в народные восстания и постепенно ослабляли империю.

Во второй половине XIX в. в результате реформ Танзимата самоуправление было отменено, немусульманское население империи уравнено в правах с мусульманским, однако на деле это было реализовано только в Стамбуле и его окрестностях и было крайне негативно воспринято турецким народом. Вскоре у власти оказалось тайное общество «новых османов», которое свергло с престола султана Абдул Азиза. Идеологи «новых османов», такие, как Мидхад-паша и Намык Кемаль, считали, что в результате проведения конституционных реформ можно ликвидировать национальные и религиозные противоречия.

Однако эти идеи приняли совсем иные формы после прихода к власти Абдула Хамида II: турецкий язык был принят в качестве национального на территории всей Империи, а ислам был объявлен государственной религией. Говоря иначе, была предпринята попытка сформировать новую нацию путём насаждения турецких культурных и религиозных особенностей на все народы

империи. Позже, когда к власти пришли младотурки, можно отметить расцвет национализма. Младотурки считали, что для сохранения империи от развала необходимо построение единой нации. Они полагали, что турки и ислам должны быть взяты за основу новой нации, османами они называли все народы империи. Однако на практике, это привело к обратному – росту национального самосознания народов подчинённых территорий, о чём свидетельствуют Балканские войны 1912-13 гг.[8].

Несмотря на то, что с приходом к власти Мустафы Кемаля Турция перестала быть империей, но население новой Республики было представлено многими народами с разнообразными культурами. Исходя из этого, кемалистское правительство начало строить новую нацию. За основу был принят принцип: «один язык – одна страна – одна культура». То есть все народы и культуры, оставшиеся в границах нового государства, провозглашались единой турецкой нацией.

Реализация этой политики коснулась всех сфер жизни нетурецкого населения страны, так как в схеме «один язык – одна страна – одна культура» «язык» подразумевался турецкий, а «культура» формировалась на основе турецких национальных ценностей. Вместе с тем менялся и общекультурный фон государства. Абсолютно все культуры, включая турецкую, подвергались вестернизации и секуляризации, что представлялось как процесс модернизации Турции. Да, за основу общей государственной культуры были взяты турецкий язык и турецкие традиции, однако вместе с этим шло насаждение ценностей европейских, некогда чуждых турецкой культуре. Таким образом, при построении новой нации особенности меньшинств, проживающих в Турции, не были учтены, более того, политика «один язык – одна страна – одна культура» подразумевала отсутствие различных культур в пределах Турции, кроме единой для всех насаждаемой государством национальной культуры [8].

Сегодня Турция продолжает политику отрицания существования различных

культур на её территории. Уместно будет упомянуть о том, что в турецком языке не существует разницы между словами «турок» (*Türk*) – как принадлежность к нации и «турок» (*Türk*) – как национальность, в отличие, например, от России, где для обозначения национальности употребляются «русский» и «россиянин» – для принадлежности к нации. Более того, то же самое слово «*Türk*» используется и для обозначения тюркских народов [4]. Кросс-культурная коммуникация в Турции вызывает множество вопросов со стороны международного сообщества, особенно в свете стремления Турции вступить в Европейский союз. В частности, можно выделить следующие проблемы:

- использования национального языка различными группами населения;
- участия нетурецкого населения в политической жизни страны;
- использования медийного пространства культурными меньшинствами и др.

В результате практики, сложившейся с подписанием Лозаннского мирного договора, в качестве культурных меньшинств в Турции принято выделять евреев, армян и греков. Причём на момент подписания договора выделение этих групп основывалось на их немусульманской сущности. Поэтому сегодня особо остро стоят вопросы ведения диалога турецкого правительства с представителями христианских культур, проживающими на территории Турции, а также такой многочисленной и в то же время мусульманской диаспорой, как турецкие курды. В настоящий момент это самая острая проблема во внутригосударственной культурной политике Турции.

Турецкая Республика продолжает традиции кросс-культурной политики Ата-тюрка. Турецкая нация как единое целое является основой Республики, а потому правительство негативно относится к любому стремлению к культурной обособленности тех или иных групп своих граждан. Национальные и религиозные меньшинства, с одной стороны, защищаются законодательством, с другой –

реализация их прав допускается только в пределах, не ставящих под сомнение единство турецкой нации.

Религиозные и национальные меньшинства Турции. Современная Турция является домом для многих народов и культур. Несмотря на то, что переписи населения по национальному признаку в Турции не проводились и точную численность меньшинств подсчитать затруднительно, можно выделить наиболее крупные группы:

- **алевиты** в основном проживают в провинциях Адана и Хатай на Юге страны и используют преимущественно, арабский язык. Термин «алевиты» применяется к самым разным культурам и народам, проповедующим ислам шиитского толка с теми или иными особенностями. В результате политики «один язык – одна страна – одна культура» эти меньшинства не имеют доступа к собственному религиозному образованию, нуждаются в собственных домах поклонения и достаточно скудно представлены в государственных органах;

- **армяне** в результате исторически сложившейся практики применения Лозаннского договора рассматриваются турецким правительством в качестве религиозной, а не национальной группы. Их права защищены значительно лучше, нежели остальных непризнанных национальных групп (к примеру, тех же алевитов). Тем не менее, из-за вопроса геноцида армян и в результате нагорно-карабахского конфликта, армяне сталкиваются со сложностями интеграции в турецкое общество и часто воспринимаются как иностранцы;

- **еврейская община** в Турции также признаётся религиозным меньшинством. Турецкие евреи заявляют, что хотя их раввинат и не имеет официального статуса в Турции, но признаётся правительством *de facto*. Кроме того, евреи утверждают, что не подвергаются антисемитизму [10]. Такое отношение правительства Турции к евреям связано, скорее всего, с тем фактом, что Израиль (в отличие, например, от Армении) не имеет территориальных претензий к Турции;

- **греки** из-за кипрского конфликта подвергаются негативному отношению со стороны турецкого населения. В результате значительная часть греков вынуждена была мигрировать на родину. В 1991 г. комиссия по правам человека, прибывшая отслеживать реализацию Хельсинских соглашений (1975) установила множество нарушений со стороны правительства по отношению к турецким грекам, начиная с ограничений в области свободы печати, образования и издания учебников и т.д. В настоящее время отток греческого населения из Турции продолжается;

- **ассирийцы**, хотя и являются христианами, тем не менее не защищены положениями Лозаннского договора. Турецкое правительство не признавало и не признаёт ассирийцев как культурную и религиозную общность. Ассирийцы, пожалуй, являются наиболее уязвимыми христианами в Турции: они не имеют прав ни на строительство собственных школ, ни на издание собственных книг, за исключением Библии. Более того, именно эта группа подвергается давлению со стороны исламистов. Их численность на территории современной Турции составляет не более 4000 человек [10].

Вышеуказанные группы можно объединить по принципу принадлежности к религиозным меньшинствам. Если говорить о меньшинствах национальных, то в Турции необходимо выделять следующие культурные группы:

- **курды** являются самым многочисленным национальным меньшинством и составляют около 20% от всего населения Турецкой Республики [10]. Курды сами по себе также весьма разнообразны, большинство из них говорит на курманджи, однако некоторые общаются и на заза. Две трети турецких курдов исповедуют ислам суннитского толка, в то время как одна треть курдов – шииты. И те, и другие страдают от притеснения турецким правительством их гражданских и политических прав и свобод;

- **цыган** в Турции насчитывается примерно 50 тысяч [10] (цифра весьма приближенная), большинство из них

мусульмане, часть – христиане. Цыгане выделяются тем, что они крайне неинтегрированы в турецкое общество и рассеяны по территории Республики.

– **кавказская община** в Турции насчитывает около 70 тысяч человек [10], её основу составляют выходцы из российского Северного Кавказа. В культурном плане эта группа крайне разрознена, сюда входят и чеченцы, и дагестанцы, и черкесы, и кабардино-балкарцы, и многие другие. В эту же группу принято включать почти 80 тысяч грузин и около 75 тысяч азербайджанцев [10]. Никого из них турецкое правительство не признаёт в качестве меньшинства;

– **арабы** в основном населяют южные границы Турции. Часть из них – алевиты, часть – сунниты и третья – христиане. Представители арабской общины также не признаются в качестве меньшинства, арабский язык запрещён для официального пользования.

В целом, можно констатировать, что в Турции существует целый ряд религиозных и национальных меньшинств, которые не признаны на государственном уровне и чьи естественные и социальные права ущемляются. Эти группы представляют собой симбиоз религиозных, национальных, культурных и языковых проблем, которые обостряются государственной политикой ассимиляции.

Правовые аспекты реализации межкультурной политики в Турции. В Турции по существу нет законов, посвящённых регулированию межкультурных отношений внутри страны. Имеющееся законодательство в данной области в основном направлено на создание и сохранение единой турецкой нации, в том числе на ассимиляцию представителей других наций и культур. Одним из основополагающих документов, правовая сфера которых затрагивает межкультурные отношения в стране, является Лозаннский мирный договор 1923-го года [10]. В 3-ем разделе договора прописаны основные положения народов, групп, меньшинств на территории Турции по отношению к мусульманскому населению.

В частности, договор устанавливает, что все народы Турции имеют равные права, независимо от их вероисповедания, этнической принадлежности, принадлежности к языковой группе и т.д. Статья 39 Лозаннского мирного договора гласит, что любое меньшинство на территории Турции имеет право использовать национальный язык для общения, ведения коммерции, использования в средствах информации и прочее. Здесь важно отметить, что турецкое правительство сразу после подписания договора ограничило его применение к немусульманским народам (христианам и иудеям), выделив 3 основных немусульманские культуры, о которых упоминалось выше: евреев, армян и греков. Правительство Турции признаёт их право на культурную автономию и сегодня [17].

Показательно, что Основной закон республики – Конституция 1982 г. [18] – даже не затрагивает вопросы межкультурной коммуникации в государстве. Так, только 10 статья Конституции Турецкой Республики гласит о равенстве всех граждан перед законом, независимо от религии, расы, политических взглядов, пола и т.д. В статье 3 государственным языком указывается турецкий, а в статье 42 Конституции говорится о том, что образование в Турции осуществляется только на турецком и ни на каком-либо другом языке. В то же время в преамбуле к Конституции несколько раз употребляется словосочетание «турецкий народ» и говорится о приверженности принципам Ататюрка, о целостности турецкого государства, о неприкосновенности турецкой истории и турецких моральных ценностей. Конституция Турции закрепляет турецкую государственность с единой для всех населяющих Турцию народов культурой, основанной на турецком языке, турецкой истории и турецких ценностях.

В 1983 г., сразу после принятия Конституции, был принят Закон 2932 [16], запрещающий использование в государственной жизни других языков, кроме турецкого, который был отменён лишь в 1991 г. В 2004 г. в Турции появился закон,

разрешающий и регулирующий вещание на языках меньшинств [19]. И в этом же году, со строгими ограничениями (по времени и содержанию), на радио вышли в эфир программы на национальных языках. Это был серьёзный шаг правительства по демократизации внутренней жизни государства, особенно в сравнении с законом 1983 г. Тем не менее строгие ограничения, наложенные законом (например, вещание на национальном языке может осуществляться не более 1 час в день, пять дней в неделю по радио и не более 45 минут в день, пять дней в неделю на телевидении) стали серьёзными преградами для развития национальной культуры этнических меньшинств.

В 2002 г. в Турции был принят закон 4771 [7], немного смягчивший положения Конституции и позволяющий открывать частные курсы на национальных языках в случае, если не наносится ущерб турецкому языку. Однако в обществе существует потребность изучения родного языка в государственных учебных заведениях, поскольку лишь небольшой процент населения может позволить себе частные уроки. Армяне, греки и евреи имеют право на создание национальных школ, однако другие немусульманские граждане (например, ассирийцы) сталкиваются с проблемой отказа в праве на открытие национальных школ, и это при том, что закон 1970-го года запрещает национальным школам принимать учеников из других диаспор. То есть фактически ассирийцам-христианам отказано в праве учиться с другими христианами.

В Турции, существует целый ряд законов, фактически запрещающих культурную жизнь национальных меньшинств. Лидером в этом смысле является Уголовный кодекс Турции [15]. Его статьи не раз применялись в отношении активистов национальных меньшинств как аргумент в доказательствах незаконности их действий. Например, статья 216 кодекса гласит, что никакой гражданин не может нарушать общественное спокойствие, разжигая ненависть, основанную на различиях в вере, убеждениях, расе и т.д. Статья 301 Уголовного кодекса

предусматривает наказание за нападки в адрес «турецкого народа». Благодаря возможности широкого толкования, эта статья применялась многократно, в частности и по отношению к знаменитому писателю – Орхану Памуку, признавшему геноцид армян.

Существуют и другие акты, которые выводят деятельность меньшинств на территории Турции за рамки законной. Согласно закону 2820 «О политических партиях» [13], запрещаются создание политических партий на национальной, религиозной, культурной, конфессиональной, расовой, языковой основе. Эта же статья запрещает распространение нетурецкой культуры или нетурецкого языка партиями и использование нетурецкого языка для публичных выступлений, издания официальных документов партий и т.д. Данный закон привёл к устранению из политической жизни страны многих курдских политиков, выступающих на национальном языке.

В 2004 г. был принят Закон об ассоциациях 5253 [9], статья 30 которого имеет широкое толкование, поскольку гласит о запрете организаций, противоречащих принципам Конституции и законам Турции. Организации и ассоциации, созданные по национальному принципу, фактически подпадают под действие данной статьи. В законе 3713 «О борьбе с терроризмом» 1991 г. [14] террор определяется как «действия, подразумевающие насилие, запугивание, устрашение, угрозы и совершаемые человеком или группой людей с целью изменения политического, правового, социального, светского, экономического строя Турецкой Республики, подрыва турецкой нации и ее безопасности, ослабления государственной власти, нарушения основных прав и свобод» [3].

Такое определение терроризма позволяет подводить его статьи и деятельность активистов, пропагандирующих расширение прав национальных и религиозных групп. К тому же поправки, внесённые в закон в 2006 г., направлены на ужесточение ограничений свободы прессы культурных меньшинств, в пер-

вую очередь курдов. Реализация задач по борьбе с терроризмом осуществляется Министерством внутренних дел, а точнее его подразделением по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Согласно закону 5952 «О целях и задачах подразделения общественного порядка и общественной безопасности» [11], данное ведомство также уполномочено вести разведывательную деятельность в целях выявления лиц, связанных с терроризмом.

Подводя итог, можно сказать, что правовое урегулирование межкультурных отношений в Турции разработано недостаточно и формируется лишь из отдельных статей законов, касающихся разных областей жизни государства и общества. Формулировки, содержащиеся в законах, имеют широкое толкование и при необходимости могут быть применены удобным государству образом. В связи с этим у турецкого правительства, по сути, имеются неограниченные возможности в данной области. Практика правоприменения в отношении меньшинств указывает нам на их шаткий и уязвимый законный статус в турецком обществе.

Курдский вопрос и политика Партии справедливости и развития. Насильственная модернизация, вестернизация и насаждение турецкого языка и культуры, которым подверглись все народы в период построения нового государства-нации после распада Османской империи, вызвали негативную реакцию со стороны курдов. Массовые недовольства привели к росту национального самосознания среди курдского населения и формированию национальных интересов (в частности – стремление к автономии). Ситуацию усугубляет тот факт, что курды не были признаны отдельной культурой ни турецким правительством, ни в результате подписания Лозаннского договора.

До начала 1980-х гг. турецкие власти отрицали существование курдского вопроса, применяя к турецким курдам термин «горные турки». Однако в 1974 г. начинает оформляться курдское движение, появляется Социалистическая

партия Курдистана, а в 1978 г. возникает и Рабочая партия Курдистана (РПК), которая начала решительную борьбу за права курдского народа. В условиях, когда курды не имели реальных политических, экономических и других рычагов, движение прибегает к насильственным методам борьбы. В ответ турецкое руководство также стало прибегать к применению силы, РПК была объявлена террористической организацией [6].

До 2000-х гг. курдские районы Турции республики находились в чрезвычайном положении, которое было отменено лишь в 2002 году с приходом к власти Партии справедливости и развития. На волне устремлений Турции стать членом Европейского союза ПСР приступила к политическому урегулированию курдской проблемы. Партии удалось обеспечить защиту базовых гражданских прав курдского населения, что сразу повысило её имидж как внутри страны, так и за рубежом. Однако реализации основных гражданских прав оказалось недостаточно, курды стали требовать также и реализации индивидуальных и групповых прав [6].

В 2007 г. курдам впервые удалось войти в состав парламента. Сначала их представителями являлась Партия демократического общества (ПДО), до того как была закрыта в 2009 г. в связи с подозрениями в связях с террористами. Затем, в 2011 г. представители Партии мира и демократии смогли попасть в Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ). Получив доступ к власти, курды стали продвигать свои интересы на национальном уровне, а в курдских районах неофициально, наравне с турецким языком, стали использоваться курманджи и заза.

Придя к власти в 2002 г., ПСР продолжила политику отрицания курдского вопроса, однако уже тогда начала принимать важные шаги: были приняты законы, смягчающие положение курдского языка в образовании, обществе и прессе. Важным шагом в решении курдского вопроса стало провозглашение действующим на тот момент премьер-

министром Реджепом Тайип Эрдоганом в 2007 г. новой политики, направленной на урегулирование курдского вопроса. Премьер-министр дал понять, что решение вопроса будет основываться на принципах единства нации и унитаризма. Взамен этого ПСР была готова сделать уступки в сфере культуры и экономики. ПСР полагала, что проблему можно решить на локальном уровне [6].

Так, в начале 2009 г. был запущен курдский телеканал, также Совет по высшему образованию разрешил проведение курсов по курдской литературе и курдским языкам, с Рабочей партией Курдистана было объявлено перемирие. Это был шаг ПСР навстречу курдам.

Более того, действующий в то время президент А. Гюль заявил, что курдский вопрос является одним из серьёзнейших во внутренней политике Республики. Это означало, что Турция и ПСР перешли от политики отрицания курдского меньшинства, курдской культуры к политике диалога. Однако череда переговоров практически не сдвинула стороны с места. Борьба за права курдов продолжается и сегодня, в то время как турецкое правительство активно борется с РПК. Неразрешёнными (или частично разрешёнными) остаются вопросы использования национального языка в государственных школах, использование языка в прессе, признание курдов как этноса.

Особо важно отметить, что курды считают такую борьбу справедливой, поскольку их интересы ущемлены. В то же время правительство Турции, частично признав права курдов, стремятся решить вопрос, сохранив территориальную и административную целостность государства. Пойдя на уступки курдскому народу, но не получив встречных уступок в ответ, Партия снова перешла к политике жёсткой силы, о чём свидетельствуют массовые сожжения курдов турецкими силовиками [5]. Вооружённая форма противостояния вызывает потери с обеих сторон. Урегулирование конфликта в интересах как курдов, так и Турции. Однако конфликт лежит в ценностной сфере, а ценностные конфликты являются одни-

ми из самых сложных для разрешения. Наиболее вероятным сценарием его разрешения представляется «встраивание» политической и общественной элиты курдов в турецкие элиты, расширение прав и свобод курдов, их автономия в составе республики [2].

Проанализировав межкультурную политику Турции внутри государства, стоит выделить ряд её ключевых особенностей:

- во-первых, современная кросс-культурная политика Турции представляет собой схему ещё почти столетие назад озвученную Ататюрком, основателем Турецкой Республики – «один язык – одна страна – одна культура». Турецкие власти с 1923 г. продолжают отрицать наличие культурных меньшинств (за исключением евреев, греков и армян) на территории республики, при этом проводя политику ассимиляции всех народов в единую турецкую нацию:

- во-вторых, основным вопросом межкультурной политики Республики остаётся курдская проблема. Ситуацию значительно осложняет деятельность Рабочей партии Курдистана, которая выдвигает нереализуемые требования (полная автономия Курдистана) и использует неправовые методы для их достижения. Правительство, со своей стороны, усугубляет положение тем, что отказывается официально признавать курдов как самостоятельную культуру;

- в-третьих, отдельно стоит отметить важность попыток ПСР наладить диалог с представителями курдов, поскольку в современной кросс-культурной политике форма диалога представляется наиболее эффективной. Несмотря на то что диалог идёт напряжённо, сам факт перехода к нему является позитивным для урегулирования курдской проблемы;

- в-четвёртых, можно констатировать слабую развитость правового аспекта реализации межкультурной коммуникации в Турции. Анкара не имеет официальной политики по данному вопросу, а все положения законов, договоров и даже самой Конституции, касаю-

щиеся вопроса обеспечения религиозных, языковых, национальных и других прав граждан Турции, имеют обтекаемые формулировки и не раз использовались государством в удобном для него смысле.

В общем, можно констатировать, что Турция, опираясь на принципы Ататюрка в своей кросс-культурной политике, делает ставку не на эффективный спо-

соб её реализации – ведение диалога с различными культурами внутри государства, – а на принципы «отрицания» наличия этих самых культур. Турецкая Республика трепетно относится к принципу нерушимости единой турецкой нации и потому весьма жёстко реагирует на посягательства культурных, религиозных или национальных меньшинств на её единство.

Список литературы:

1. Аватков В. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В. Аватков, А. Бадранов // Право и управление. XXI век. 2013. № 2. С. 5-10.
2. Аватков В. Курдская проблема на турецком поле / В.А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 128-133.
3. Аватков В. Стрессоустойчивость Турции в контексте противодействия терроризму // Стрессоустойчивость в системе противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства: материалы семнадцатой международной научно-практической конференции (Москва, 26 ноября 2015 года). М: Академия управления МВД России. 2015. С.13-16.
4. Аватков В., Дружиловский С. Внешнеполитические идеологиемы Турции / В.Аватков., С.Дружиловский // Обозреватель (Observer). 2013. № 6(281). С.73-89.
5. Депутат турецкого парламента заявила о сожжении заживо 150 курдов военными Турции // RT на русском. 2016. 19 февраля. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/149577> (Дата обращения – 12.03.2016).
6. Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. Режим Доступа: http://www.perspektivy.info/book/kurdskiy_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm (Дата обращения - 10.03.2016).
7. Çeşitli kanunlarda değişiklik yapılmasına ilişkin kanun. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k4771.html> (Дата обращения - 12.03.2016).
8. Çinar B. Neglected Ethnic Groups of Turkey // European Studies Journal. Режим доступа: http://esj.epoka.edu.al/ESJ_2_1.pdf (Дата обращения - 12.03.2016).
9. Dernekler kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5253.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
10. Deverell E., Karimova N. Minorities in Turkey // Occasional papers. – No.19. - Utrikespolitiska institutet. The Swedish Institute of International Affairs. Stockholm. – 2001.
11. Kamu düzeni ve güvenliği müsteşarlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5952.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
12. Lausanne Peace Treaty. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty.en.mfa> (Дата обращения - 12.03.2016).
13. Siyasi partiler kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2820.pdf> (Дата обращения - 10.03.2016).
14. Terörle mücadele kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
15. Türk ceza kanunu. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html> (Дата обращения - 12.03.2016).
16. Türkçeden Başka Dillerle yapılacak Yayınlar Hakkında Kanun. Режим доступа: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc066/kanundmc066/kanundmc06602932.pdf (Дата обращения - 12.03.2016).
17. Turkey: a Minority Policy of Systematic Negation // International Helsinki Federation for Human Rights (IHF). 2006. Oct. 26.
18. Türkiye cumhuriyeti anayasasi. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa82.htm> (Дата обращения - 11.03.2016).

19. U.S. English Foundation Research. Turkey. Режим доступа: <http://usefoundation.org/view/871> (Дата обращения - 09.03.2016).

Об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич – к.полит.н., старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ (119992, г. Москва, Остоженка 53/2 строение 1), преподаватель военной кафедры при МГИМО(У) МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76), тюрколог. E-mail: avatkov.v@yandex.ru.

Павлова Анна Игоревна – магистр международных отношений, редактор журнала «Военный» (101000, Москва, Мосфильмовская ул., 1), тюрколог и американист. E-mail: anna.igorevna.pavlova@yandex.ru.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION SPECIFICS IN THE REPUBLIC OF TURKEY

V.A. Avatkov, A.I. Pavlova

Oriental languages Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 119992, Moscow, Ostozhenka 53/2 str.1; Military faculty department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, pr.Vernadskogo, 76). "Military" journal 101000, Moscow, Mosfilmovskaya ul., 1.

Abstract. *The article presents modern specifics of Turkish cross-cultural policy. Having passed through several stages, Turkish modern intercultural policy represents "one nation – one country – one language" scheme introduced by Ataturk which in fact puts national and religious minorities into a vulnerable position. Moreover Turkish government acknowledges only Jews, Greeks and Armenians as minority groups that brings up the problem of cultural minority recognition.*

Cross-cultural communication legal aspects in Turkey are also analyzed within the article. Remarkably, Turkey doesn't have any laws aimed at regulating intercultural policy; moreover even the Constitution of the Republic lacks the issue. From a legal perspective, Turkish intercultural policy is being implemented on the basis of few articles of various laws, which are vague and broad wording and may be interpreted in the interests of the state.

Kurdish issue is a major challenge of the Turkish cross-cultural policy. At the end of the XX century Kurdish struggle for national rights and autonomy dissolved into armed conflict forcing Ankara to make some concessions. However such matters as recognition of Kurds as a minority, introduction of Kurmanji/Zaza in Kurdish schools and the use of the national language in press are left pending. The dialog between the government and Kurdish delegates is complicated by Kurds aspirations for autonomy and Republic's intention to preserve its integrity.

Overall, Republic of Turkey is very considerate of both its territorial and cultural integrity resulting in "one nation – one country – one language" policy implementation concerning cross-cultural communication.

Key words: *Turkey, cross-cultural policy, Kurdish issue, minorities in Turkey, cross-cultural communication, Ottoman Empire, Justice and Development Party, millet, Kurds, Turkish language.*

References:

1. Avatkov V., Badranov A. "Myagkaya sila" Turtsii vo vnutrennei politiki Rossii [Turkish "soft power" in Russian domestic policy]. *Pravo i upravleniye XXI*. №2(27), 2013. P. 5-11. (in Russian).
2. Avatkov V. Kurdsкая проблема na turetskom pole [Kurdish problem on Turkish ground]. V.A. Avatkov. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2012. № 2. P. 128-133. (in Russian).

3. Avatkov V. Stressoustoichivost' Turtsii v kontekste protivodeistviya terrorizmu [Turkish ability to perform under pressure within the context of terrorism]. *Steesoustoichivost' v sisteme protivodeistviya ugrozam bezopasnosti lichnosti, obshestva i gosudarstva: materialy semnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii (Moskva, 26 noyabrya 215 goda)* [The ability to perform under pressure within the frameworks of modern system of counteraction to threats against a person, a society and a state: the materials of the seventeenth scientific and practical conference (Moscow, November, 26, 2015)]. Moscow. 2015. P.13-16. (in Russian).
4. Avatkov V., Druzhilovsky S. Vneshnepoliticheskiye ideologemi Turtsii [Ideologemes in Turkish foreign policy]. Avatkov V. , Druzhilovsky S. *Obozrevatel* [Observer]. 2013. № 6(281). P.73-89. (in Russian).
5. *Deputat turetskogo parlamenta zayavila o sozhenii zashivo 150 kurdov voyennimi v Turtsii* (The member of Turkish parliament states that in Turkey 150 Kurds were burned alive by the military). Available at: <https://russian.rt.com/article/149577> (Accessed 12.03.2016).
6. Shlikov P. Kurdskiy vopros v Turtsii: na puti k razresheniyu konflikta? [Kurdish problem in Turkey: on the path to resolving the conflict?]. *Setevoye izdaniye centra issledovaniya i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivi* [A Web publication of center for Historic perspective Fund research and analysis]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/kurdskiy_vopros_v_turtsii_na_puti_k_razresheniyu_konflikta_2013-06-26.htm (Accessed 10.03.2016). (in Russian).
7. Çeşitli kanunlarda değişiklik yapılmasına ilişkin kanun. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k4771.html> (Accessed 12.03.2016).
8. Çınar B. Neglected Ethnic Groups of Turkey. *European Studies Journal*. Available at: http://esj.epoka.edu.al/ESJ_2_1.pdf (Accessed 12.03.2016).
9. Dernekler kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5253.pdf> (Accessed 11.03.2016).
10. Deverell E., Karimova N. Minorities in Turkey. *Occasional papers*. No.19. Utrikespolitiska institutet. The Swedish Institute of International Affairs. Stockholm. 2001.
11. Kamu düzeni ve güvenliği müsteşarlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5952.pdf> (Accessed 11.03.2016).
12. Lausanne Peace Treaty. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty.en.mfa> (Accessed 12.03.2016).
13. Siyasi partiler kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2820.pdf> (Accessed 10.03.2016).
14. Terörle mücadele kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (Accessed 11.03.2016).
15. Türk ceza kanunu. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html> (Accessed 12.03.2016).
16. Türkçeden Başka Dillerle yapılacak Yayınlar Hakkında Kanun. Available at: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc066/kanundmc066/kanundmc06602932.pdf (Accessed 12.03.2016).
17. *Turkey: a Minority Policy of Systematic Negation*. International Helsinki Federation for Human Rights (IHF). 2006. Oct. 26 p.
18. Türkiye cumhuriyeti anayasasi. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa82.htm> (Accessed 11.03.2016).
19. U.S. English Foundation Research. Turkey. Available at: <http://usefoundation.org/view/871> (Accessed 09.03.2016).

About the Authors:

Vladimir Alekseevich Avatkov – a Ph.D (Politology), a Senior Lecturer of the Oriental languages department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119992, Moscow, Ostozhenka 53/2 str.1) and the Lecturer of the Military faculty department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119454, Moscow, pr.Vernadskogo, 76), turkologist.
E-mail: avatkov.v@yandex.ru.

Anna Igorevna Pavlova – has a Master Degree in International Relations, is an editor of "Military" Journal (101000, Moscow, Mosfilmovskaya ul., 1), turkologist and americanist, anna.igorevna.
E-mail: pavlova@yandex.ru.